

15 ЯНВ 1971

ЛИТЕРАТУРА РОССИИ
Г. МОСКВА

ВЕСНОЙ 1888 года английская писательница Маргарита Гаркнесс послала Фридриху Энгельсу свою книгу «Городская девушка». Ознакомившись с этим «маленьким шедевром», Энгельс отправил автору письмо, которое давно уже признано одним из основополагающих документов марксистской эстетики. В нем, в частности, была подчеркнута мысль о том, что вписанная в историю революционная борьба рабочего класса против угнетающей его среды должна «занять свое место в области реализма».

На мой взгляд, именно это положение Энгельса является тем главным ключом, с помощью которого можно раскрыть характер эпопеи Михаила Соколова «Искры».

Более трех десятков лет своей жизни посвятил писатель созданию этого значительного произведения, вложив в него поистине пламень своего сердца. Рельефность изображения опирается не только на глубокое изучение документов, но и на хорошее знание самой жизни, на личное посещение описываемых ленинских мест и, конечно же, на то, что Михаилу Соколову посчастливилось видеть и слышать главного героя своего романа — Владимира Ильича Ленина.

Сейчас появилась в свет четвертая книга романа (издательство «Советский писатель»). Разумеется, есть в этом многоплановом произведении все элементы, присущие жанру романа, — быт и нравы, семейная хроника, любовная линия, изображение природы и т. д., — но главное все же — реалистическая история эпохи, рост самосознания народа, бурление партийной жизни, Ленин, его друзья и недруги.

В четвертой книге — более чем в предыдущих — ощущаем мы нарастание кризиса прогнившего царского строя.

Роман начинается такими словами: «Глухая пора наступала в России...». Это — камертон. Настрой на него помогает глубже ощутить величие революционной борьбы рабочего класса и его партии, сумевших выйти из мрака столыпинщины, подготовить новый подъем движения, ведущего к революции.

Проведя своих героев — и тех, кто создан воображением писателя, и тех, кто представляет собой как бы слепок реальных исторических личностей, — сквозь трудную эпоху истории, автор оставляет читателя убежденным, что «солнце взойдет завтра», «не может не взойти».

Удивительно это чувство — читать историю в живых лицах. Все вроде бы тебе знакомо заранее. Знаешь, скажем, сколько времени будет длиться третьестолетняя монархия; знаешь, что убьет Столыпин; знаешь, что за Лондонским съездом РСДРП последуют другие события партийной жизни, которые приведут к знаменитой Пражской конференции. Знаешь, что Ленин организует партийную школу в Лонжиюмо; знаешь даже, о чем будут беседовать Ленин и Горький, или о том, как поведут себя Плеханов и его приверженцы, какую займет позицию Троцкий и т. д. и т. п. И все же читаешь роман Михаила Соколова как открытие. Чем это объяснить? Видимо, тем, что такова уж тайна искусства.

Есть у Владимира Ильича Ленина в «Детской болезни...» знаменитое изречение, классически определяющее основной закон революции:

«...для революции недостаточно, чтобы эксплуатируемые и угнетенные массы сознали невозможность жить по-старому и потребовали изменения; для революции необходимо, чтобы эксплуататоры не могли жить и управлять по-старому. Лишь тогда, когда «низы» не хотят старого и когда «верхи» не могут по-старому, лишь тогда революция может победить».

Возьму на себя смелость сказать, что идейная основа

всей эпопеи Михаила Соколова (и особенно четвертой ее книги) направлена на художественное раскрытие именно этого ленинского закона революции.

Период, который охватывает четвертая книга, характеризуется разящим несоответствием царского строя растущим производительным силам страны. В. И. Ленин писал в те годы, что «ломка должна быть крутой, потому что несоответствие чересчур велико, потому что старое слишком старо, «болезнь чересчур запущена». Отсюда и рост мракобесия двух «командующих классов», на смерть перепуганных первой русской революцией.

Большевик Лука Матвеевич — один из ведущих персонажей романа «Искры», — приехав на Капри к Ильичу, информирует его о том, как «свиристуют господа современные аракечевы»:

«...Душат все живое».

— Душат. Все живое, — повторил Ленин и опустил голову. И Горький молчал. И Лука Матвеевич... Да, тяжкие, очень трудные времена наступили на их родине. В три погибели гнет самодержавие все честное и преданное революции, что еще осталось на свободе. А оппортунисты российской социал-демократии все еще мечтают о такой революции, которая бы не «оттапливала» буржуазию. Филистерская утопия!

Так думал Ленин...»

А вот строчки из романа, характеризующие устами ямского Кирсана Заикина положение на Югоринском заводе юга России:

Шаги Ленинианы

В КОНТЕКСТЕ

(ЗАМЕТКИ О ЧЕТВЕРТОЙ КНИГЕ)

«Ямовой долго молчал, долго моргал вечно красными от чада и пыли глазами, а потом отошел в сторону, сорвал с себя кожаный фартук и, швырнув его на опои, с отчаянием произнес:

— Все! Не желаю боле так жить! Не в силах!».

И зашалялся тяжелым нашьем.

Леон подошел к нему, боясь, как бы он не упал, и проговорил мрачно:

— Потерпи еще малость, дядя Кирсан. Скоро они зашалят всем кровавым нутром, каты... Потерпи».

Автор открывает перед нами кулисы и «командующих классов». Наиболее впечатляет в этом плане интереснейший образ помещика и промышленника Якова Загорюлькина, владеющего более чем трехмиллионным богатством. Похоже, что образ этот — некий синтез таких исторических личностей, как Савва Морозов, или литературных реминисценций — вроде горьковского Фомы Гордеева — бунтаря, отщепенца, либо купца Егора Булычова — обличителя своих собратьев по классу. «Демократическим миллионером» называет Якова его официальная супруга Оксана. Другие называют его «толстосумом и живоглотом» из тех, кто, по словам плотника Евсея, «до пятого колена втапывал нашего брата в землю».

Так вот этот самый «живоглот» рассуждает:

«В этом мире все продается и покупается... Карл Маркс прав. Жидик на жулике сидит и мошенником погоняет. Святые отцы и генералы, помещики и беспутные жалмерки...»

Или:

«Плетью, даже моей, обуха не перешибешь». «Порядки, однако, в империи нашей...»

Даже сосед семьи Якова, старый помещик и в прошлом предводитель дворянства Савва Френин, вынужден

напоминать, что «Дон есть опора трона, а не Нижегородская ярмарка с шутами и клоунами».

Яков не только обличает. Ему по душе пример Саввы Морозова, который «давал деньги политикам». И автор рассказывает, как Яков отдает с легким сердцем на нужды большевиков наличными «двадцать пятачесток» да еще обещает долать сорок тысяч золотых. Дела большевика-ленинца Леона, оказывается, «немного интересуют и вызывают сочувствие» Якова.

Яков Загорюльки, как и его отец Нефед Миронович, по-своему отражающие кризис общества, не принадлежат все же к истинным «верхам». А о том, что происходит в самих «верхах», дают понять яркие сцены романа, рассказывающие о встречах приближенного к государю сановника Петра Рюмина с премьером Столыпиным. Автор пишет:

«Рюмин знал: этого человека (т. е. Столыпина. — Г. К.) начинают ненавидеть даже его поклонники, великие князья Михайловичи, при участии которых он удержался во главе кабинета министров. Этого человека ненавидит народ, особенно — мастера, и называет его не иначе, как вешателем. Этого человека готовы удавить все польские дворяне западных губерний... Этого человека ненавидит даже мода императрица, конечно, не без влияния конокрада и лжесвятого старца Григория Новых-Распутина... Рюмин был почти уверен: Столыпин идет и закату...»

Из истории мы знаем, что выстрел в Столыпина про-

извел в Киеве эсеровский боевик Богров. Но мы знаем и другое — то, что Богров являлся одновременно сотрудником царской охраны. Потому-то и понимал Рюмин, как рассказывает автор романа, что Столыпин убрали «не без участия и своих».

Но вот по рекомендации того же старшего Рюмина выходит на российскую арену его друг — министр внутренних дел Макаров в правительстве Ксеновцева. Что изменилось? Рюмин на последних страницах романа сокрушается:

«...Да, Макарова он совершенно напрасно рекомендовал государю. Такой же солдафон, как и те, которые расстреляли рабочих на Лене. А время, время нынче ох как изменилось и требует ума, ума и еще раз большого государственного, политического, тактического, наконец, ума, а не грубиянства и не виселищ... Идент он, как показали ленинские события. С таким министром нас всех поднимут на вилы».

Вот они, черты общенационального кризиса!

Но чтобы действительно «поднять их всех на вилы», история потребовала титанической работы большевиков, огромных усилий вождя партии рабочего класса Ленина.

Шаг за шагом раскрывает Михаил Соколов существо «потока вековщины», кризисное положение нашей партии, вызванное ликвидаторами справа и «ликвидаторами нанзанку» — отзовистами. Вместе с тем автору удалось убедительно показать жизнеспособность социал-демократических организаций на местах, ушедших в глубокие подполье, их умение сочетать нелегальную и легальную деятельность.

Объем газетных заметок не позволяет здесь сколько-нибудь пространно проследить развитие харак-

теров таких персонажей, как Илья Чургин, Леон Дорохов, Ольга Колосова, Михаил Рюмин и другие ученики и боевые соратники Ленина, выросшие в профессиональных революционеров, умело осуществлявшие ленинскую тактику «единства снизу». Отмечу лишь, что именно эти персонажи, любовно выписанные М. Соколовым, дают нам впечатляющее представление о самой эпохе, о жизни партии в тот ответственный момент истории, когда наступило время *собрания сил*, воспитания и сплочения рабочих под марксистским знаменем.

Нам представляется особо важным поразмышлять об *идейном средоточии* четвертой книги романа «Искры» — образе Владимира Ильича Ленина, руководителя партии, вынужденного (среди других 900 социал-демократов) эмигрировать за границу. Образ Ильича в романе органичен, более того — к нему идут все нити сюжета.

Но сначала небольшое отступление. Недавно я прочитал вышедшую осенью в свет интересную книжку литературоведа и критика Владимира Пискунова «Советская Лениниана». Рассматривая, в частности, связанное с именем Ильича творчество Горького и Маяковского, критик очень точно подметил вставшую перед ними задачу художественного исследования ленинского характера *в связи с центральными проблемами века*. Лени-

кадры против всего направления «незрелых элементов большевизма» (скажем, когда два из трех партийных центров — Заграничное бюро ЦК и Бюро ЦК в Госсии — продолжали оставаться в руках либо ликвидаторов, либо примиренцев).

Мы видим Ильича заботливым другом своих товарищей по партии, в том числе и тех, кто путал в политике, ошибался. (Особенной удачи достиг здесь М. Соколов в обрисовке взаимоотношений Ленина с Горьким и Луначарским.)

Мы видим Ильича то страстным боевым полемистом, то по-своему «озорным», то нежным и даже чуть сентиментальным. (Прекрасны сцены, когда утомленный Владимир Ильич дремлет на плече у Горького или когда встречается на пристани мать и сестру, прибывших из России. А вспомним, с каким особым трепетом готовится он к публичному выступлению, желая блеснуть перед матерью ораторским искусством — «меня мама ни разу не слышала, ну и не хочется ударить лицом в грязь...»)

Мих. Соколов неоднократно возвращается к ленинской мысли о невозможности быть «добренским» в условиях борьбы с идейными противниками. В романе Ильич так отвечает Горькому, пытающемуся «помирить» его с махистом Богдановым:

«Покорный ваш слуга тоже мог бы быть таким любвеобильным добряком, с успехом мог быть. Но позвольте спросить: а во имя чего? Во имя каких целей? Во имя ложной мешанской добродетели? Толстовского всепрощения? Обмана человека?... С подобными субъектами, с изменниками марксизму, должно драться, а не лбызаться, не миловать их, — такова логика борьбы, логика жизни, милый Алексей Максимович. А жизнь, как и вы говорили, — это жестокая штука, и здесь следует держать ушки на макушке. Не то поплывешь за свою слабую филлистерскую доброту».

При всем том романист, как мне кажется, удачно улавливает и передает читателю душевную чуткость ленинского характера. Поругав (вполне заслуженно!) человека, Ильич часто проверяет себя — не нарушил ли

он такта. Вот, скажем, приводится в романе сцена беседы Ленина с примиренцем Зиновьевым. Последнему изрядно попадает за попытку «выкручиваться». Тот обиделся, ушел. Ильич, обращаясь к Луке Матвеевичу, замечает:

«— Ушел? Обиделся. Так и знал. Быть может, я действительно сказал что-нибудь нетактичное, Лука Матвеевич? Вы не почувствовали этого?»

Вот другой (среди многих) пример. После одного довольно сурового и принципиального разговора с Горьким Ильич как бы жалуется Надежде Константиновне на самого себя:

«— Да, мне кажется, что я все же резковато говорил с Алексеем Максимовичем, слишком горячо и слишком наставительно. Поди обиделся. Чертовски досадно... Надо ему написать, сегодня же... По поводу моего тона в разговоре с ним. Чтобы не было двусмысленностей. Он ужасно упрямый. И мне кажется, что все понимает предельно, но не хочет называть вещи своими именами».

В свете сказанного вообще следует отметить, что очень выразительно прослежены в романе и борьба Ленина за Горького, и величайшая гордость вождя партии пролетарским писателем России. Нет, не случайно говорит в романе Ленин Плеханову о Горьком: «Он — один у русского пролетариата, а нас много». Закономерно и то, что даже во времена расхождений с Горьким Ильич заверяет его: «У нас с вами развода не получится».

Апофеоз романа — Пражская партийная конференция, ставшая, как известно из истории, «переломным моментом в жизни партии».

Собственно, вся четвертая книга «Искр» ведет к этой конференции, показывает ее неизбежность и очистительную грозную силу. Хорошо передано настроение ее участников, особенно тех партийцев из рабочих, что прошли ленинскую школу в Лонжюмо. Вот как, к примеру, описывает автор взволнованность Чургина:

«...В воздухе запахло свежестью, запахло весной, пробуждением новых сил революции, и теперь уже ничто этого пробуждения, этой новой весны русского революционного движения не остановит и назад не повернет. Наоборот, она, весна эта, будет отныне набирать сил, все больше и все больше будет укореняться все то, что есть в России истинно революционного...»

Так думал Чургин, и ему радостно было, что это вот-вот начнется событие, которое — как сказать? — быть может, является поворотным не только для русского революционного движения. И оттого, что и он, русский шахтер, рядовой революционер, примет посильное участие в этом знаменательном событии, душа Чургина наполнилась радостью и гордостью безмерной, и хотелось сказать — нет, крикнуть на всю Россию:

Смотрите, слушайте все: большевизм шагает по России! Созданный Лениным. Большевизм, который поведет Россию на штурм старого мира и приведет к победе, непреложной и неизбежной, как неизбежен день после ночи».

Отдавая должное значительным авторским удачам, нельзя не сказать и о просчетах. Мне представляется, что главный из них — ничем не оправданные длинноты. Не говоря уже о местах сложных, касающихся специальных философских проблем, затянутость описания которых особо рискованна, даже прекрасным страницам, посвященным природе, где автор чувствует себя полновластным хозяином своего творения, мешают излишества, ибо они сдерживают динамичность повествования.

Оценивая предыдущую книгу «Искр», наша литературная критика усмотрела существенный недостаток в том, что в изображении Плеханова и Мартова автор не всегда находит нужные краски. Плеханов, отмечал критик Ф. Чапчухов, дан «в одном измерении». Думаю, что этот недостаток дает себя в известной мере знать и в четвертой книге. Могу лишь добавить, что он распространен и на некоторые другие персонажи.

Кое-где — пусть и в незначительной мере — автор грешит и против реализма. Усматривая эти погрешности, скажем, в описании обстоятельств, связанных с Романом Малиновским. Этот член ЦК был хорошо знаком спланированным провокатором. Ему удалось продержаться не разоблаченным вплоть до Февральской революции, когда были обнародованы материалы чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства по расследованию преступлений паризма. Деяния этого матерого шпика затмевывала легальная работа партии, в которой Р. Малиновский сумел показать себя с лучшей стороны. Известно, что В. И. Ленин впоследствии не раз упрекал себя, что не смог разоблачить Малиновского.

А между тем М. Соколов то и дело дает понять читателю, что Р. Малиновский — скрывший враг (причем даже мало маскирующийся). К нему относится настолько же не только Ленин, но и его окружение. Вряд ли подобное упреждение можно чем-либо оправдать. Такой просчет тем более заслуживает упрека, что в официальных документах КПСС специально опровергалась версия буржуазных историков, будто большевики знали о провокаторской деятельности Малиновского.

Еще пример. Автор утверждает, что Коба был избран на Пражской конференции в члены ЦК. Но ведь это же не так! В действительности он был кооптирован пленумом в состав ЦК. Вряд ли стоило обходить и тот факт, что Коба не сразу понял принципиальную суть решений Пражской конференции РСДРП, необходимость полного и решительного разрыва с ликвидаторством, оппортунизмом.

Хорошо бы устранить в очередном переиздании подобные неточности, ибо роману «Искры», несомненно, суждена долгая жизнь.

В заключение еще раз подчеркнем, что труд Михаила Соколова, вложенный им в создание эпопеи, заслуживает огромного уважения. От книги к книге растет мастерство романиста, умение рельефно изображать человека, события, природу, владеть богатыми средствами индивидуализации характеров.

Г. КУКЛИС

Э П О Х И РОМАНА «ИСКРЫ»

ский характер раскрывается в их творчестве, как замечает В. Пискунов, «в контексте эпохи».

В творчестве Михаила Соколова, на мой взгляд, явно усматриваются эти же тенденции.

Есть у В. Пискунова и другое очень важное наблюдение. Раскрывая секрет успеха Николая Погодина, первым решившегося в драматургии показать на сцене образ великого Ленина, критик (на примере пьесы «Человек с ружьем») демонстрирует успешную попытку драматурга отойти от иллюстративности, попытку изобразить Ленина как *личность*.

В. Пискунов приводит следующее примечательное суждение драматурга:

«Я понимал, что при всем высоком трепете перед личностью Ленина я должен обращаться с образом Ильича, как с любым другим литературным образом. Иначе ничего не получится: образ утратит свою жизненную непосредственность, а первый план вылезут цитаты, которые неизбежно будут выпадать из художественной ткани пьесы».

Возвращаясь к роману «Искры», берусь утверждать, что М. Соколов тоже удалось достичь в своей прозе авторской внутренней свободы и «раскованности» в обрисовке ленинского характера. При этом чрезвычайно важно, что образ Ильича нарисован писателем в логическом соответствии с историческими фактами и документами.

Мы видим Ильича в романе гневным, с молниями в глазах и в голосе, когда он разоблачает недругов большевизма, отбивает атаки махистов на марксистское философское мировоззрение. У автора все основания рисовать вождя таким. (Напомним действительные строки письма В. И. Ленина из Женевы на Капри А. М. Горькому: «...сегодня прочту одного эмпириокритика и ругаю его лощадными словами, завтра — другого и матерными».)

Мы видим Ильича мудрым партийным руководителем, умеющим даже в тяжелейших условиях сплотить